

**ООН И «ПОСЛЕКОВИДНЫЙ» МИР:
СОСТОЯНИЕ, УГРОЗЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Материалы Международной
научно-практической
конференции**

Уфа, 30 сентября 2021 г.

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИНИСТЕРСТВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
И КОНГРЕССНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РБ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ООН В МОСКВЕ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ ООН
БАШКОРТОСТАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ
РОССИИ**

**ООН И «ПОСЛЕКОВИДНЫЙ» МИР:
СОСТОЯНИЕ, УГРОЗЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Материалы
Международной научно-практической конференции
(г. Уфа, 30 сентября 2021 г.)*

**Уфа
РИЦ БашГУ
2021**

УДК 327+341
ББК 66.4(0), 6+67.9
О64

*Печатается по решению кафедры международного права
и международных отношений
Института права БашГУ.
Протокол № 1 от 31.08.2021 г.*

Редакционная коллегия:

доктор юрид. наук, профессор **Р.В. Нигматуллин** (*отв. редактор*)
канд. ист. наук, доцент **О.И. Новикова**;
канд. юрид. наук, доцент **О.А. Филиппов**;
канд. полит. наук, доцент **Н.Е. Шонин**;
канд. филол. наук, доцент **З.А. Юсупова**

ООН и «послековидный» мир: состояние, угрозы, перспективы:
О-64 материалы Международной научно-практической конференции (г. Уфа,
30 сентября 2021 г.) / отв. ред. Р.В. Нигматуллин. – Уфа: РИЦ БашГУ,
2021. – 122 с.
ISBN 978-5-7477-5386-0

В материалах конференции отражены теоретические и прикладные аспекты актуальных проблем деятельности ООН по широкому спектру вопросов обеспечения мира, безопасности и развития, в том числе вызванных пандемией COVID-19.

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, соискателей, студентов юридических учебных заведений, а также ученых и специалистов в области международного права, международных отношений, правоведения и политологии.

УДК 327+341
ББК 66.4(0),6+67.9

ISBN978-5-7477-5386-0

© БашГУ, 2021

Исполинов А.С.,доктор юридических наук, профессор,
г. Москва, Россия

ПАНДЕМИЯ КАК ВЫЗОВ МЕЖДУНАРОДНОМУ МИРУ И БЕЗОПАСНОСТИ: ПОДРАЗУМЕВАЕМЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ СБ ООН И ИХ ПРЕДЕЛЫ

Пандемия и связанная с ней необходимость принятия быстрых и скоординированных мер заставила по-новому посмотреть на многие вопросы международного сотрудничества. Не стали исключением и вопросы компетенции ООН в целом и Совета Безопасности ООН (далее – СБ ООН) в частности. Причем с одной стороны, СБ ООН является сегодня самым критикуемым органом ООН, находясь под градом обвинений в архаичном составе и сознательной дискриминации (решение принимается не всеми членами ООН, а узким составом, в котором еще более узкая группа государств обладает правом вето), что влечет за собой снижение его авторитета, легитимности решений и доверия к ним со стороны международного сообщества. С другой стороны, СБ ООН остается уникальным институтом, осуществляющим нормотворческие, квази-судебные и исполнительные полномочия, при этом действуя практически бесконтрольно и как утверждает ряд авторов, без какой-либо оглядки на нормы права [1, с. 672]. При этом на понимание современной роли СБ и его потенциала отечественной наукой накладывается бытующее упрощенное стереотипное восприятие его деятельности как принятие обязательных решений только в случае угрозы миру (то есть в рамках Главы VII Устава) или по организационным вопросам. Еще более усложняет ситуацию традиционное для отечественной доктрины и идущее еще с советских времен подозрительное отношение к подразумеваемым полномочиям, не прописанным в Уставе ООН.

Надо отметить, что СЮ ООН СБ уже касался вопросов глобального риска для здоровья в своих резолюциях по поводу эпидемии ВИЧ (резолюция № 1983 (2011) [2], вспышки лихорадки Эбола в Западной Африке (резолюция № 2177 (2014) [3] и в Конго (резолюция № 2439 (2018) [4]. Однако в этих резолюциях СБ ООН не говорил об угрозе миру и безопасности, но ссылаясь на свою «ответственность по поддержанию мира и безопасности». Не стала исключением ситуация с пандемией COVID-19. В резолюции № 2532 от 1 июля 2020 года СБ заявил: «Считая, что беспрецедентный масштаб пандемии COVID-19 может поставить под угрозу поддержание международного мира и безопасности... требует незамедлительного всеобщего прекращения боевых действий во всех ситуациях» [5].

Использованный СБ ООН подход вызвал новый виток дискуссий в отношении обязательности резолюций СБ ООН. Исследователи отмечают, что нужно проводить различия между терминами «угроза миру» и «угроза поддержанию мира и безопасности». Об угрозе миру говорится в Главе VII Устава, в то время как термин «угроза поддержанию мира и безопасности» использован в ст. 24 Устава, в соответствии с которой на Совет Безопасности возлагается главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности. На сегодня именно эта статья является основным источником полномочий СБ, включая его подразумеваемые полномочия принимать обязательные меры не только в ситуациях войны или межгосударственного вооруженного конфликта.

В соответствии со ст. 25 Устава ООН члены ООН соглашаются, в соответствии с настоящим Уставом, подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их. Международный суд ООН в своем консультативном заключении в возмещении ущерба на службе ООН заявил, что в соответствии с международным правом, ООН должна иметь такие полномочия, которые подразумеваются существенными для выполнения им своих обязанностей, даже если эти полномочия не выражены четко в Уставе [6]. В заключении по делу Namibia МС ООН заявил, что ст. 24 Устава предоставляет СБ ООН необходимые полномочия... упоминание во второй части этой статьи полномочий в рамках некоторых Глав Устава не исключает существование подразумеваемых полномочий для осуществления своей функций, упомянутых в параграфе 1 этой статьи» [7]. В этом же заключении СБ ООН подтвердил, что решения СБ ООН, принятые вне рамок Главы VII, также носят обязательный характер [8]. Одним из основных элементов Устава считается ст. 103, в соответствии с которой обязательства государства должны иметь преимущественную силу перед любыми другими международными обязательствами. Международный Суд ООН в своем решении по делу Lockerbie подтвердил применение этой статьи к обязательствам государств, вытекающим из резолюций Совета Безопасности [9].

Для лучшего понимания термина «угроза поддержанию мира и безопасности», использованному СБ ООН в указанных выше резолюциях, можно привести слова из Заявления Председателя СБ ООН от 31 января 1992 г, где впервые эту термину было дано расширительное толкование, далеко выходящее за рамки войн и вооруженных конфликтов: «Отсутствие войн и вооруженных конфликтов между государствами само по себе не обеспечивает международный мир и безопасность. Невоенные источники нестабильности в экономической, социальной, гуманитарной и экологической областях могут стать угрозами для мира и безопасности» [10].

При таком подходе очевидно, что термин «угроза миру» подразумевает наличие более высоких рисков (в том числе и рисков материализации угрозы) и более высокий уровень возможного ущерба для международного сообщества, чем в случае «угрозы поддержанию мира и безопасности» [11, с. 121].

Бесспорно, что выбранный СБ ООН подход позволяет более быстро и эффективно реагировать на возникающие угрозы, чем путем выработки договорных

норм [12, с. 573]. Появление таких резолюций дало основание некоторым исследователям утверждать, что в этих условиях сочетание ст. 25 (обязательность резолюций Совета для всех государств – членов ООН) и ст. 103 Устава ООН дает Совету Безопасности уникальные полномочия, позволяющие не только приостанавливать действие каких-либо международных норм, но и принимать новые нормы, моментально изменяя при этом международно-правовой ландшафт [13, с. 281]. Открывшиеся возможности вызвали появление предложений об использовании новых полномочий Совета Безопасности для быстрого и эффективного решения проблем, далеких от вооруженных конфликтов, но которые также могут быть истолкованы как угроза миру и безопасности, например глобальное потепление [14, с. 527].

В этой ситуации в центре дискуссий вполне логично оказывается вопрос о том, есть ли какие-то границы полномочий Совета Безопасности, а также должен ли кто-то контролировать соблюдение Советом этих границ, и если да, то какие формы должен принимать этот контроль. Сейчас кажутся пророческими известные слова судьи Международного суда Фицморриса в его особом мнении в деле *Namibia*: «Установление пределов полномочий Совета Безопасности является необходимым в первую очередь из-за той легкости, с которой любая противоречивая международная ситуация может быть представлена как скрытая угроза миру и безопасности, даже когда она лишь отдаленно напоминает такую. Без определения этих пределов функции Совета Безопасности могут быть использованы для достижения целей, изначально не предусмотренных» [15].

Основанием данной точки зрения является устоявшееся понимание того, что Совет Безопасности в любом случае не всемогущ и какие-то правовые рамки для него существуют. Очевидно, что исходя из уровня развития современного общества Совет Безопасности не может принять резолюцию, в которой он обязывал бы государства расстреливать без суда и следствия задержанных террористов или разрешал бы применять к ним пытки. По мнению одного из известных исследователей международного и европейского права К. Томушата, «если международный правопорядок действительно существует как единое целое, то очевидно, что Совет Безопасности не действует в вакууме. Общие нормы, которые международное сообщество приняло как основу своего существования, должны также применяться к Совету Безопасности. Совет Безопасности не должен существовать вне или над законом» [16, с. 657]. Этому подхода придерживаются и международные суды. Как заявил Международный трибунал по бывшей Югославии в своем решении по делу *Tadić*, «Совет Безопасности как орган ООН ограничен в своих действиях конституционными пределами, воплощенными в Уставе ООН, какими бы широкими ни были его полномочия. В любом случае ни текст, ни дух Устава ООН не дают оснований считать Совет Безопасности *legibus solutus* (не связанным правом)» [17].

В заключение можно отметить, что реакция СБ ООН на пандемию в виде принятия резолюции № 2532 от 1 июля 2020 стала не первой такого рода. Также, как

и предыдущих резолюциях, принятых по поводу эпидемий, принятые СБ меры обосновываются наличием «угрозы поддержанию мира и безопасности», то есть не по главе VII. Однако, как показывает приведенный выше анализ, такие новые механизмы также входят в компетенцию СБ ООН и являются обязательными. На наших глазах происходит обкатка новых механизмов, которые могут понадобиться в будущем и уже сейчас находят поддержку государств-членов ООН. Как отметил один из комментаторов, резолюция № 2532 вносит свой вклад в эволютивное толкование объема полномочий СБ ООН по поддержанию международного мира и безопасности [11, с. 140]. Пандемия показала, что самые фантастические сценарии фильмов катастроф могут реализоваться в реальности. К этому лучше быть готовым с точки зрения объединения усилий на основе ООН.

Список использованных источников

1. Whittle D. The Limits of Legality and the United Nations Security Council: Applying the Extra Legal Measures Model to Chapter VII Action// The European Journal of International Law, 2015, vol. 26 No. 3, pp. 671–698.
2. UN Doc. S/RES/1983 (2011).
3. UN Doc. S/RES/2177 (2014).
4. UN Doc. S/RES/2439 (2018).
5. UN Doc. S/RES/2532 (2020).
6. ICJ, Advisory opinion, Reparation case, ICJ Reports 1954, para. 47.
7. ICJ, Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (Southwest Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970) ('Namibia Advisory Opinion'), ICJ Reports 1971, para.110.
8. ICJ, Namibia Advisory Opinion, para. 113.
9. ICJ. Order With Regard To Request For the Indication of Provisional Measures In The Case Concerning Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention Arising From The Aerial Incident at Lockerbie (Libya v. United States), Apr. 14, 1992, 31 LL.M. 662, 665-666.
10. UN Doc. S/23500, Decision of 31 January 1992 (3046th meeting), Statement by the President, 3.
11. Pobjie E. COVID-19 and the Scope of the UN Security Council's Mandate to Address Non-Traditional Threats to International Peace and Security// Heidelberg Journal of International Law, 2021 vol. 81 No. 1. pp. 117–146.
12. Rosand E. The Security Council As "Global Legislator": Ultra Vires or Ultra Innovative?// Fordham International Law Journal 2004 vol.28, No. 3. pp. 542–590.
13. Roberts K. Second-Guessing the Security Council: The International Court of Justice and Its Powers of Judicial Review//Pace International law Review, 1995 vol. 7. p. 281-327.

14. Nevit M. Is Climate Change a Threat to International Peace and Security? // Michigan Journal of International Law, 2021 vol. 42, No.3. pp. 527–579.

15. Advisory Opinion on Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) Notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), [1971]. ICJ Rep. pp. 292–293 (dissenting opinion of Judge Fitzmaurice).

16. Tomuschat C. The Kadi case: what relationship is there between the universal legal order under the auspices of the United Nations and the EU legal order? // British yearbook of European law. 2009. pp. 654–663.

17. Prosecutor v. Tadić, Appeals Chamber, Decision on the Defense Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, 2 October 2005. IT-94-1-AR72, para. 28.

18. Scott S. Climate change and peak oil as threats to international peace and security: is it time for the security council to legislate? // Melbourne Journal of International Law, No. 2 pp. 495–514.

© Исполинов А.С., 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Кузнецов В.В. ООН и «послековидное» восстановление	3
Кобяков О.Ю. Влияние пандемии COVID-19 на положение дел в области продовольственной безопасности в мире	5
Борисов А.Н. Гражданское общество и ковидная реальность – взаимодействие с регионами и международными организациями.....	9
Абашидзе А.Х. Угрозы системе международной безопасности и их последствия.....	12
Нигматуллин Р.В. Деятельность ООН по противодействию современным вызовам и угрозам.....	20
Исполинов А.С. Пандемия как вызов международному миру и безопасности: подразумеваемые полномочия СБ ООН и их пределы.	27
Гатауллина Э.В. Взаимодействие институтов общества в реализации равного доступа к образованию.....	32
Шермухамедова Н.А. Основные направления деятельности ООН в Узбекистане.....	38
Бокерия С.А., Андропова А.Р. Взаимодействие ООН и МККК по защите прав женщин и детей.....	42
Попович А.Г. КОВИД-19 и изменение климата: два кризиса, схожие проблемы.....	50
Чеботарь С.П., Стежару С.А. The UN security council activity in the context of COVID-19 pandemic.....	56
Шонин Н.Е. Проблема заключения международного договора о готовности к пандемиям.....	64
Новикова О.И., Новикова В.Н. К вопросу о деятельности международных организаций по реализации принципов концепции «зелёной» экономики.....	68
Елизаров М.В. Проблемные аспекты международно-правового регулирования военно-космической деятельности.....	76
Губайдуллина И.Н. Человеческий капитал в мире после COVID: проблемы развития.....	81
Бисярина А.Н. Тенденции в борьбе с торговлей несовершеннолетними в «ковидный» период.....	84
Ишмеева А.С. Последствия пандемии COVID-19 для бизнеса и экономики.....	90
Ахметов Р.Р. Об опыте государственного управления в годы Великой отечественной войны.....	96
Швецов В.В. Международно-правовые механизмы противодействия торговле детьми в XXI веке.....	100

Бикмеева З.И., Филиппов О.А. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 в условиях COVID-19.....	105
Шайнурова А.Р. Деятельность ООН в решении глобальной проблемы бедности на современном этапе.....	114

Научное издание

**ООН И «ПОСЛЕКОВИДНЫЙ» МИР:
СОСТОЯНИЕ, УГРОЗЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы

*Международной научно-практической конференции
(г. Уфа, 30 сентября 2021 г.)*

*За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.*

Статьи публикуются в авторской редакции

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 01.12.2021 г. Формат 60x84/16.

Усл.печ. л. 7,13. Уч.-изд. л. 7,44.

Тираж 300 экз. (1-й завод 28 экз.). Изд. № 113. Заказ 394.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*